

Н. Алимбай

ОСНОВНЫЕ ЛОГИЧЕСКИЕ УРОВНИ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ У КАЗАХОВ

Небезызвестная традиция исторического материализма в науке все еще остается достаточно прочной: в исследованиях структура и функции как общественных отношений у кочевников в целом, так и их отдельных составляющих продолжают рассматриваться в жесткой зависимости от экономических сторон данного образования. Даже в новейшей литературе, в нашем случае — казахстанском кочевниковедении понятия «общественные отношения» («социальные отношения») и «экономические отношения» нередко противопоставляются друг другу по принципу «базис — надстройка». Логика же изучаемой реальности такова, что структурный статус (положение) и функции любого элемента общественных отношений должны изучаться во взаимоотношеннх и взаимозависимых связях с другими их составляющими. Основными составляющими (структурными элементами) общественных отношений являются не только люди как субъекты социальной деятельности, но и объекты, предметы, средства и разноразноуровневые «каналы» ее реализации, рассматриваемые в их естественнх-исторически обусловленных многоуровневых и разнонаправленных взаимозависимых связях.

В свою очередь общественные отношения в определенном смысле выступают как структура (одновременно и как технология — термин Э.С. Маркарьяна) социальной деятельности.

Предложенное определение понятия «общественные отношения» должным образом предполагает естественный доминирующий характер того или иного элемента (или элементов) в зависимости от того, в каком историческом пространстве и времени, в какой исторически (в древности и средневековье — экологически) обусловленной организационной форме человеческих отношений они функционировали. В традиционных обществах, например, в данном случае — кочевом обществе казахов система «неписанных» правил, установлений и верований и тесно связанные с ними всевозможные виды ритуалов, обычаев и обрядов жизненного цикла этноса, будучи, кстати, органической частью институциональной структуры социума, образовали едва ли не основной механизм организации и мобилизации жизненной энергии общинников в изначально «идеологически» заданном русле. И это было весьма важным фактором поддержания всех элементов общества кочевников в динамически равновесном состоянии.

«Опредмечивание» понятия «общественные отношения» (о трех логических уровнях изучения социальных отношений у кочевников). Человеческие отношения на различных этапах истории и в различной этнокультурной среде имели исторически и экологически обусловленную (особенно в традиционной историко-культурной среде), этнически окрашенную организационную форму функционирования. В древности и в раннем средневековье, например, основной организационной формой общественных отношений у большинства народов мира была община. В аналогичной организационной форме функционировали и традиционные социальные отношения, у казахов-кочевников, однако, имевших ряд весьма своеобразных, этнически характерных черт и свойств. Отсюда — необходимость выработки адекватной логики моделирования поисковой ситуации в следующей последовательности: «общее → особенное → конкретное». Соответственно, процесс моделирования поиска, т.е. собственно реализации цели по изучению, например, общественных отношений у казахов-кочевников в их соответствующей организационной форме существования должен включать в себя три логических уровня.

Первый, исходный логический уровень — это общетеоретическая позиция исследователя, которая основывается на понятии об основополагающих свойствах и чертах общественных отношений. Представление о социальных отношениях как о субстанции общественного устройства кочевников собственно и составляет содержание принципиально необходимой общетеоретической позиции исследователя в рассматриваемом вопросе.

Второй необходимый логический уровень исследования означает изучение организационной формы социальных отношений у кочевников, т.е. собственно общины, понимаемой одновременно и как главный механизм функционирования кочевых социумов.

Эвристическая возможность этих двух уровней последовательно воплощается, конкретизируется и дополняется в процессе реализации *третьего завершающего логического уровня исследования вопроса*. Смысл последнего заключается в изучении этнически характерных, исторически и экологически обусловленных организационных форм общинных отношений в кочевой среде.

Община — главная организационная форма общественных отношений у кочевников (семипоколенная экзогамная структура *жетита* как община). Поскольку понятие «общественные отношения» достаточно абстрактный, обобщенный, генерализованный конструкт, то его содержание соответственно отражает (пользуясь известной парсоновской терминологией) «стандартизированные отношения» социальных субъектов по поводу воспроизводства условий и средств жизнеобеспечения. Именно в таком качестве данное понятие выступает едва ли не единственным системо- и смыслообразующим началом в изучении и кочевого социума.

Попробуем теперь реально представить процесс «опредмечивания» содержания понятия «общественные отношения» применительно к традиционной социальной среде казахов. Из логики обозначенного концепта вытекает, что структурными элементами общинных отношений у кочевников являются не только общинники с их разнонаправленными и разноуровневыми целеполагающими социальными связями, но и практически все общественно значимые объекты, предметы, средства и социокультурные нормы (принципы) человеческой деятельности — территория, скот, различные виды орудий труда, локальное (общинное) и этническое самосознание, всевозможные виды ритуалов, обычаев, обрядов жизненного цикла этноса, мировоззрение, система родства, генеалогия (*шежире*), этнические стереотипы, морально-этические и обычноправовые нормы поведения, фольклорные традиции и даже кочевые тропы и маршруты (понимаемые как важнейшие элементы производственного процесса) и т.д., функционировавшие и как специфические способы и средства, и как «каналы» реализации социальных отношений и в своем системном единстве составляющие механизм поддержания социума в равновесном состоянии.

Как уже было сказано, главным и, пожалуй, единственным способом (формой) функционирования общественных отношений в условиях кочевого образа жизни была община. И тут встает принципиальной важности вопрос: какую этнически характерную, исторически и экологически обусловленную организационную форму имели традиционные социальные отношения казахов? Это действительно очень занятный вопрос, поскольку речь идет о такой форме, которая обеспечивала бы самодостаточность функционирования общественных отношений у кочевников как автономной социальной системы. С этой точки зрения в традиционной этнокультурной среде казахов так называемое семипоколенное экзогамное образование *жети ата* (букв. «семь поколений»), объединяющее группу родственников (действительных и мнимых) в пределах семи поколений по отцовской линии, выступает как главная и, пожалуй, единственная организационная форма практически всех типов и уровней социальных отношений у кочевников. Известная демографическая ограниченность в пространстве и времени, территориальная локализованность, а также ограниченность этой структуры от других аналогичных структур экзогамным барьером традиционных семейно-брачных отношений получили мощное идеологическое обоснование в принципах и нормах генеалогической традиции — *шежире*. Внимательный анализ доступных видов источников — архивных, печатных, полевых, фольклорных и т.д. — позволяет сделать однозначный вывод о том, что именно в рамках этой структуры институционально, идеологически, социокультурно, производственно-экономически и даже экологически обеспечивался необходимый уровень плотности и интенсивности различных типов и уровней социальных связей в кочевой среде, понимаемых как «технология» воспро-

изводства и регулирования жизнедеятельности и личности (общинного типа), семьи и самой общины.

Отсюда субъектное назначение семипоколенной экзогамной структуры как социума на всех уровнях общественных отношений у кочевников. Репрезентативность данного факта достаточно определенно подтверждается и объективной логикой очень сложной системы отношений «община — территория», являющейся основным объектом и одновременно средством социальной деятельности в кочевой среде. Как свидетельствуют источники, любая территория, находившаяся в сфере жизненных интересов номадов (кстати, весьма красноречиво названная в досоветской литературе как родовая), это прежде всего главный объект собственности общины, т.е. семипоколенной экзогамной структуры (а территория, как известно, будучи главным естественным условием, является еще и средством жизнеобеспечения, представляя собой основное средоточие интересов кочевников). Даже мало-мальски сведущий о традиционном образе жизни своих предков казах знает, что система землепользования в кочевой среде, т.е. социально-пространственная и хозяйственная организация так называемой родовой территории в виде ее посезонной сегментации на *жайляу* (летнее пастбище), *кузеу* (осеннее пастбище), *кыстау* (зимовка, зимнее пастбище), *коктеу* (весеннее пастбище) и т.д., а также необходимое циклическое воспроизводство соединяющей эти сегменты — пастбища — в единое целое разветвленной сети кочевых троп и маршрутов осуществлялись именно в рамках структуры *жету ата*. Примечательно, что любой кочевник, строго придерживающийся фундаментального для всех общинников принципа «*ата-баба жери*» (букв. — «земля наших предков — великих основателей нашего рода»), осознавал себя естественной частью родовой территории в той мере, в какой он идентифицировал себя с членами «*жету ата* как кровными родственниками. Иными словами, как и во всех традиционных социумах, кочевник полностью отождествляет себя с родной, родовой территорией как с естественным продолжением своего природного бытия, мотивируя это унаследованностью ее от великих основателей рода (*жету ата*) — своих предков. «*Киндик кан тамган жер*» (примерный смысл данного фразеологизма: «земля, впитавшая капли крови из пуповины моей, моих родственников, моих предков»), — говорили в таких случаях кочевники, совершенно ясно подразумеваемая изначальную природную принадлежность данной территории своему роду — общине.

А теперь несколько слов о механизме реализации отношений собственности на общинную территорию. Поскольку семипоколенная экзогамная структура состоит из экологически, институционально и хозяйственно-экономически обусловленного количества *бир ата* (букв. — «общий предок»), то последние функционируют в своем роде как основные институциональные и экономические «узлы» реализации общинных отношений вообще и отношений собственности на

землю, в частности. Однако только лишь в виде отношений пользования.

Бирата (букв. — «единый предок») — подразделение *жети ата* — община, объединившая группу близких родственников в пределах двух-трех поколений по отцовской линии. Данная структура представляла собой так называемую большую неразделенную семью. Она являлась основным субъектом (в силу определенных причин с некоторыми ограниченными полномочиями), одновременно и объектом практически всех форм и уровней внутриобщинных отношений. Однако таковой она выступала лишь в той мере, в какой находилась в равноуровневых взаимозависимых и взаимообусловленных отношениях с себе подобными структурами-сегментами — основными составляющими общины. Это означает, что у этих структур не было ни объективных, ни субъективных возможностей функционировать в виде самовоспроизводящихся и саморегулирующихся автономных социальных организмов, т.е. осуществлять социумные функции общины. Так что их никак нельзя рассматривать, как полагает ряд казахстанских кочевниковедов, в качестве так называемых минимальных общин.

Следует отметить, что каждая из этих структур, как в экономическом, так и социокультурном отношении, имела определенную самостоятельность в организации своего хозяйства в течение всего года. Но в качестве субъекта собственности имела права только лишь на один из двух главных объектов жизненных интересов общинников — больше семейный скот.

Что касается так называемой родовой (общинной) территории, то единственным и главным субъектом собственности на данный объект выступала семипоколенная экзогамная структура, т.е. община. И это было необходимым естественным базовым условием корпоративного единства всех членов общины.

Вместе с тем в связи с постоянным разделением кочевой общины на отмеченные хозяйствующие субъекты-сегменты в холодные времена года — зимой, ранней весной и поздней осенью — самостоятельность последних в организации хозяйственной жизни существенно возросла. Очевидно, именно это обстоятельство и породило иллюзорное представление у некоторых исследователей о хозяйственном ауле как о так называемой минимальной общине. Основная причина тому — незнание исследователями специфики реализации внутриобщинных отношений в различное время года, и как следствие этоговольное или невольное игнорирование ими основных критериев идентификации общины как главной организационной формы этих отношений. Прежде всего как социума с автономным режимом функционирования.

Способность функционировать семипоколенной экзогамной структуры как главной организационной формы общинных отношений у кочевников, т.е. как социума, означает ее способность быть и активным субъектом практически всех форм и уровней внешних отношений —

межобщинных, межплеменных, межжузовых и т.д. Собственно говоря, и племя, и *жуз* — это, в сущности, особые институционализованные уровни этих разнохарактерных внешних отношений. Вместе с тем эти самые отношения функционируют в известном смысле как своего рода идентификационное пространство родственно-родовой идентичности общины. Иными словами, именно эти отношения выступают едва ли не основным фактором перманентного воспроизводства родственно-родовых связей в семипоколенной экзогамной структуре как мощного сплачивающего и регулятивного механизма кочевого социума.

Л.Ф. Попова

РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ЦЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Основным источником для настоящей статьи стали полевые материалы, собранные совместно с И.В. Стасевич (МАЭ РАН) в 2006–2007 гг. в Актюбинской области Республики Казахстан. Изучение ценностных норм не являлось специальной задачей этих полевых сезонов, но данная тема неизбежно находится в поле зрения этнографа как одна из важнейших характеристик исследуемой культуры.

Хорошо известно, что кочевое общество традиционно отличали крепкие родственные связи, так как генеалогическая система наиболее подходит для оформления социальных отношений кочевников, каковыми казахи были в прошлом.

С переходом казахов на оседлый образ жизни можно было бы ожидать в настоящее время забвения ими родовой генеалогической структуры, тем более что активная борьба с родовым началом длительно велась как российскими властями во второй половине XIX в., так и советской властью в XX в.

Однако же исследования показали, что знание своей генеалогии у казахов западных областей Казахстана довольно прочно и составляет одну из важных основ родственных взаимоотношений. При знакомстве с информантом всегда выяснялась его «родовая» принадлежность, и в подавляющем большинстве случаев человек отвечал на этот вопрос